

[1921]

1 января 1921 г. Выпал небольшой снег после резкого ветра. У нас в квартирке тепло. Каждое утро приходит топить печь назначенный нам в услужение православный китаец Мартирий, добродушнейшее существо. По-русски он не знает ни слова. Я пытаюсь говорить по-китайски, знаю уже с десяток слов. Китайчата миссийские — жалкие, оборванные. Как только выйдешь во двор, подбегают и, с жадным выражением глаз, ждут подачек.

Отчаянно кричат вороны в нашем парке. Я не слыхала никогда раньше такого выразительного карканья. Порою совершенно ясно слышишь воронью перекличку: «Бей!» — «Кого?» — «Якова!» Это очень забавляет меня. Вечерами слышно церковное пение, вероятно, практикуется хор. Состоит этот хор только из китайских мальчиков-подростков, как сказали нам.

Муж ездил в город. Нашел магазин, где говорят по-русски. Сам он объяснялся, с грехом пополам, по-английски. Сегодня — Новый год по новому календарю, но Миссия его не празднует.

Зашел к нам сегодня живущий в Миссии беженец-священник о[тец] Константин Лебедев*, очень симпатичный, тихий человек. Мы встретили его радушно.

4 января. Два дня мне нездоровилось, даже работала с трудом. Сегодня вышла погулять, обошла все владения Миссии, дальний ее громадный парк. Что за день! Солнце грест, как у нас в апреле, дует теплый, совершенно весенний ветер. Снег еще лежит кое-где, но уже рыхлый, талый. Небо — густо-синее, воздух прозрачный... Я не могла насыщаться, не могла налюбоваться... Эти громадные парки кругом — весной мы тут задохнемся от аромата!

Вечером, одевшись, вышла на нашу веранду посмотреть на небо, как я всегда любила делать и прежде в родной Сибири. Меня поразили здешние звезды: огромные, необыкновенно яркие, они дрожат, горят, переливаются — красиво! Одна неподвижная звезда, возле купола миссийской церкви, так велика, что от нее даже падает на землю легкое сияние, как от молодого месяца.

5 января. Плохо спала после вчерашних прогулок: мешало обилие красочных впечатлений. Ночная тишина здесь совершеннейшая: ни звука, ни шороха — только бы спать, но сон пришел ко мне лишь перед рассветом.

6 января. Сочельник русского Рождества. Мартирий вымыл полы в наших комнатах, я вытерла пыль, перетрясла платья, одеяла. Потом вымыла голову в своей уборной, вымылась сама, миссийской бани сегодня не топили. Вечером муж пошел в церковь к рождественской службе. Я сидела дома одна — было очень тоскливо. Думала о своих близких, оставшихся в Сибири: как они проводят этот вечер? Вспоминают ли нас, как я вспоминаю их сейчас, с любовью и печалью?

Рождество Христово. 7 января. В 7 и 9 часов утра был торжественный звон на нашей колокольне. Пришел к нам о[тец] Константин с праздничной службой и группа хриославо-китайчат. Пели молитву по-китайски и «многие лета» по-русски. Мы их оделяли тунцзырами (мелкая медная монета), и они, с улыбками удовольствия на смуглых, смешных рожицах, уходили, вежливо кланяясь нам. Потом приходили другие. По случаю праздника все они были наряжены в черные куртки, вроде гимназических, и черные картузы со значками. Видно было, что они страшно гордятся своим нарядом.

К утреннему чаю прислали нам сдобный крендель, и обед был вкуснее и обильнее, чем обычно. Заходили соседи поздравить нас. Мы угощали их чаем и закуской, купленной накануне. Днем погода переменилась, подул холодный ветер. Я хотела поехать с мужем в город, но побоялась простудиться. Он уехал один, а я посидела у теплой печки до 6-ти часов вечера, читала скучнейшего Боборыкина. Вечер провел у нас, за дружеской беседой и за чаем, о[тец] Константин. Мы очень полюбили его.

8 января. Ночь спала плохо. Смешно сказать — мешали спать звезды, которые своим ярким блеском раздражали и тревожили меня. Жаль, что нет темной шторы на окне. С утра пасмурно, похоже на близкий снег, и настроение у меня пониженное.

Утром пришел хор китайчат, опять славили. Поют усердно, но не стройно; по-русски выговаривают довольно отчетливо. Мы дали им на весь хор 11 доллар[ов] и 30 тунцзыров, чем они остались весьма довольны. Потом они пошли славить в квартиры наших русских соседей.

9 января. Мы с мужем сделали визит родственникам начальника миссии, архиепископа Иннокентия Фигуровского¹. Это целая семья: мать (вдова брата владыки Иннокентия, о[тца] Павла), две дочери и сын. Приняли нас очень радушно, угощали чаем, шоколадом. Матушка Фигуровская* — славная, чисто русская старушка. Из дочерей одна Клавдия по манерам и разговору напоминает иностранку. Другая, Ольга, — попроще. Сын, Иннокентий, рослый, высокий юноша, отлично говорит по-английски и по-китайски. Я от души позавидовала ему в этом. Все они — сибиряки родом.

Возвращаясь парком домой, мы услышали какой-то странный звук сверху: тонкий, вибрирующий, жалобный и в то же время чрезвычайно приятный. Казалось, это поет самый воздух, винит и жалуется на что-то. Нам объяснили, что китайцы прикрепляют к шейкам голубей особые маленькие шарики, которые при полете голубей издают этот особенный звук-пение. Мы постояли, послушали с удовольствием. Опять новое впечатление.

¹ Расцвет миссии связан с именем архиепископа Иннокентия, который возглавлял в 1896—1931 гг. 18-ю духовную миссию. Благодаря его усилиям, миссия осталась не разграбленной во время Боксерского восстания в 1900 г. 23 февраля 1904 г. миссия учредила Братство православной церкви в Китае для оказания помощи русским раненым в русско-японской войне. В 20-е годы лишилась официальной поддержки Российского государства, но архиепископ Иннокентий смог отстоять права на собственность миссии. См также: Серебрянников И.И. Из воспоминаний // Кит. Благовестник: Юбил. вып. 1932. № 4 (июнь). С. 26—29.

10 января. Начала работать после трехдневного праздничного отдыха в типографии. В свободное время усиленно занимаюсь английским языком, повторяю снова весь учебник Нурока; читаю — кое-что интересное нашла в Миссийской, довольно запущенной, библиотеке¹.

Присматриваюсь к окружающим нас китайцам. Впечатление не в их пользу: хитрые, стараются при всяком случае обмануть, обсчитать. Попросила я одного из них купить мне ярд простого ситца. Принес, сказал, что стоит доллар. Я дала, еще прибавила на чай 30 центов. Потом оказалось, что ярд такого ситца стоит 40 тунцзыров, т.е. примерно 20 центов.

11 января. В нашей типографии беспокойно: Носач-Носков задержал выплату жалованья служащим и рабочим. Толпа китайцев пришла в квартиру Ивановых, шумела, скандалила. Кое-как удалось их успокоить. Если Н.Носков так поведет дело и дальше, нам придется искать другую работу.

16 января. Ездили на рикшах в Южный Город — это самая оживленная торговая часть Пекина². Сначала проезжали улицами Посольского квартала, неизменно таящими в себе для меня очарование «заграницы»; потом окунулись в кипучую, шумную жизнь китайских улиц Южного Города. Это были уже не впечатления, а сумбур впечатлений: пестрота, яркие краски, цветные фонари, качающиеся у входов в лавки, нестерпимо сильный, ослепляющий свет электрических и ацетиленовых ламп в магазинах, на улицах, возле лотков с товарами уличных продавцов. Непрерывные выкрики, шум и гул тысячной китайской толпы... Ничего похожего никогда, нигде не приходилось нам ни видеть, ни слышать! Я чувствовала себя оглушенной, одурелой, но в то же время была очень довольна: новизна впечатлений радовала меня.

17 января. Продолжаем наше знакомство с Пекином. Гуляли сегодня за стеной, окружающей его со всех сторон, потом поднялись на самую стену. Седой древностью веет здесь от всего кругом. Под стеной — канал. Сейчас он подо льдом, который отблескивает от солнца сине-серыми тонами стали. По льду китайские мальчики и девочки катаются на санях особого устройства. Один мальчик, стоя на санях, управляет движением при помощи длинного шеста, как на лодке.

18 января. Носач-Носков прислал деньги для расчета с типографией, и работа опять пошла бесперебойно.

19 января. О.П.Фигуровская любезно предложила мне поехать со мной по пекинским магазинам, так сказать, ознакомить меня с ними. Побывали мы во многих магазинах. Один особенно понравился мне: очень обширный, с улицы украшен богатой позолотой и резьбой. Внутри множество столов и стульев. Мы сели на стулья, и продавцы начали приносить и раскладывать перед нами на столах всевозмож-

¹ Насчитывала около 4 тыс. экземпляров. Для библиотеки построено двухэтажное здание. На 1-м этаже размещалась канцелярия, второй разделен на 4 помещения. Читателям отдан большой зал, в середине которого находились столы, а вдоль стен стояли книжные шкафы.

² Эти экскурсии позволили составить: Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям = Russian Guide to Peking and Neighborhood / Изд. для туристов; Сост. И.И.Серебренников. Пекин: Тип. Рус. духовной миссии, 1923.

ные сорта китайских шелков, ситцы, дрель¹ и т.п. У меня глаза разбежались на шелка: различная расцветка, тонкость и в то же время добротность их были замечательные.

«Вы можете и ничего не купить, только посмотреть, — сказала мне О[льга] П., — все равно они не обидятся».

Но я все же купила несколько ярдов отличного темно-синего шелка за очень дешевую плату, и наши продавцы проводили нас до дверей с низкими поклонами.

В европейских магазинах все дорого, и не все можно достать. Очень дорога обувь.

20 января. Видела китайские похороны — богатые и бедные. Первые очень торжественны и даже величественны: гроб массивный, огромный, напоминает корабль. Это впечатление усиливается еще и оттого, что его влекут на особых шестах 30 человек, и он мерно колыхается, точно плывет над землей. Впереди гроба несут затканые узорами и цветами полосы шелковых материй на древках, — нечто вроде наших хоругвей. Бросают на землю белые бумажные кружки, мелькающие, как снег. Несут красиво реющие в воздухе белые бумажные ветви. Родственники, идущие за гробом, все в белых одеждах. Кроме «хоругвей» несут множество шелковых больших фонарей, украшения в виде пагод с шелковыми кистями и т.п. Множество провожающих.

Бедные похороны печальны: очень мало людей за гробом, нет ни фонарей, ни «хоругвей». Простой некрашеный гроб, и гудит над ним китайская похоронная труба заунывным мрачным воем.

30 января. Пропустила несколько дней, ничего не записывала. Много работала по корректуре, писала письма. Приходилось корректировать и вновь поступавшие в типографию печатные заказы. В свободное время опять знакомилась с достопримечательностями древней китайской столицы, куда забросила нас судьба. Посетили дворцовый музей — бывший когда-то дворец богдыханов. Впечатление — колоссальное. Еще как только вступили мы во внутренний двор, невольное восхищение коснулось сердца. Перед нами была совершенно античная площадь, большие плиты, которые заросли теперь травой. Мраморная ограда окружала ее. По углам площади стояли массивные прекрасной работы бронзовые курильницы. Дыхание веков, казалось, веяло здесь над нами, витал дух былой великолепной жизни дворцов, замыкавших собою эту тихую, ныне пустынную площадь... А в одном углу ее приютился ресторанчик, где старичок-китаец предлагал туристам горячий душистый китайский чай и незатейливые сласти.

Мы вошли внутрь главного дворцового строения. Нас сопровождал гид-китаец, объяснявший по-английски все, что мы должны были увидеть там. Мы побывали в тронном зале. Столбы, поддерживающие его потолок, являются настоящими произведениями искусства. Одна комната занята драгоценными предметами: нам показали статую Будды из чистого золота, золотые чаши, наполненные рубинами и изумрудами. Видели мы два старинных воинских богдыханских костюма — каждому по 500 лет: один весь обшит кораллами, дру-

¹ Так у автора.

гой — украшениями из слоновой кости. Восхищались мы также многочисленными вазами, драгоценными и своей художественностью, и материалом, из которого они сделаны: золото, серебро, тончайший, почти прозрачный фарфор, великолепно расписанный.

Какое искусство, какая великая красота во всех этих произведениях древнего китайского гения! Недаром говорили нам, что Китай — страна тысячелетней высокой культуры.

1 февраля. Побывали мы в китайском театре — кажется, его название «Новый Мир». Это здание в несколько этажей, где размещаются рестораны, чайные, кино и на самой верхушке театр. Перед входом в театральный зал стоят два громадных зеркала. Мы подошли к одному из них и от неожиданности отпрянули назад: зеркало отразило наши фигуры неимоверно раздавшимися в ширину и укороченными, с лицами, карикатурно расплывшимися в широкий, плоский блин. Другое зеркало, наоборот, показало вместо нас тощих, вытянутых в длину гигантов. То и другое было очень забавно, и мы от души посмеялись.

Театр был полон: шла какая-то пьеса, на которую китайская публика очень живо и непринужденно реагировала смехом и громкими восклицаниями. Пьеса сопровождалась музыкой: оглушительными трубами и барабанами, которых мы, с непривычки, не могли долго выдержать и ушли, чтобы подняться еще на крышу театра и посмотреть с нее на Пекин. Нам говорили ранее, что вид оттуда замечательный. И, действительно, нам открылась грандиозная панорама всего города и замыкающих его довольно высоких гор на фоне лиловых и розовых красок наступившего заката. Это было чрезвычайно красиво.

3 февраля. Посетили монгольский храм Юн-ха-гун, где находится семисаженная статуя Будды, сделанная, как говорят, из одного древесного ствола. Какой же высоты должно было быть это дерево! Статуя великолепна, вы чувствуете, глядя на нее, всю грандиозность Божества. Складки одежды на ней, ее украшения, ожерелья и пр. сделаны с величайшим искусством и правдоподобием. Жаль, что храм, где помещается статуя, слишком мал для нее: Будде там тесно, его колоссальная голова находится под самым потолком, и нам нужно очень сильно откидывать назад свои головы, чтобы разглядеть его на такой высоте. И вдруг глянут на нас его огненные глаза на выразительном до живости лице — впечатление настолько сильно, что даже отшатнешься невольно.

Есть в храме и другие статуи богов и богинь, обыкновенного человеческого размера. Одна обратила на себя мое особое внимание: женская фигура в развевающейся одежде, позади нее летящие облака. Столько экспрессии в этой фигуре, легкость, устремление, движение. Почти видишь, как разлетаются складки одежды, как плывут и колыхаются облака. Замечательно!

Мы обошли все отделения храма. Их много во внутреннем дворе, но ничего особенного в них нет. Покидая храм, мы еще постояли перед семисаженным Буддой и, по предложению дежурящих там монахов-буддистов в оранжевых шелковых одеяниях, зажгли несколько свечек из сандалового дерева у подножья статуи. За свечки мы дали два доллара. Приятный смолистый аромат их понравился нам. Легкие

клубы дыма поднялись вверх, и из-за них опять глянули на нас выразительные громадные глаза этого титанического Божества, когда мы, уходя, от дверей еще раз оглянулись на него.

6 февраля. Сегодня мы совершили долгую прогулку: побывали в Храме Неба¹, о котором много слышали и который видели изображенным в красках на открытках и, в увеличенном виде, в окнах фотографических магазинов. Когда подъезжаешь на поезде к Пекину, величественные, гигантские очертания этого храма в виде трех суживающихся кверху синих кругов видны из окна вагона еще задолго до въезда в Пекин.

То, что мы увидели сегодня, превзошло все наши ожидания. Волшебная сказка — иначе я не могу назвать картину, представившуюся нашим глазам. Мы вошли в открытые широкие ворота Храма Неба и очутились в обширной усадьбе, засаженной громадными туями и другими высокими деревьями. В стороны бежали дорожки-аллеи, виднелись лужайки, заросшие травой, сейчас еще сухой и желтой. Опять невольно подумалось: как хорошо тут летом! Мы пошли прямо по широкой длинной аллее и поднялись по ступеням вверх. И здесь, во всем своем великолепии, предстал перед нами этот овеянный древностью Храм, где когда-то китайские императоры совершали торжественные моления богам о благополучии и преуспевании страны в преддверии наступающего года.

Этот храм-алтарь расположен на прямоугольной площади, огороженной белой мраморной балюстрадой. Более двадцати ступеней, тоже из белого мрамора, ведут к нему. По бокам — мраморные столбики. Посредине подъема мрамор изрезан причудливыми китайскими рисунками, завитками, драконами — даже жалко попирать ногами эти художественные плиты. Три круга-спирали, опоясывающие храм, выложены синими черепицами, а верхушка увенчана позолоченным куполом. Все эти детали я заметила уже позднее — первые впечатления были так сильны и захватывающи, что я просто села на мраморную оградку возле храма и углубилась в молчаливое восхищение. Нас было человек шесть здесь, и все как-то притихли, не хотелось нарушать словами царствовавшую вокруг нас красоту и гармонию.

Был чудесный день, теплый, даже жаркий. Небо сияло над нами безоблачной синевой. И при этом ярком солнце, под чистой небесной лазурью ослепительно белым казался мрамор, блестели золотом желтые черепицы крыш прилегающих дворцовых строений, красиво оттеняя синюю эмаль храмовых ярусов, темнели начинающей оживать под солнцем зеленью стройные, строгие кипарисы вблизи храма...

¹ Храм Неба возвели при династии Мин императором Юн Лэ в 1420 г. Первоначальное название — Храм Неба и Земли, так как здесь воздавались молитвы и Небу, и Земле. В 1530 г. на севере Пекина был построен храм Земли, и с тех пор храм Неба стал специальным местом поклонения императоров Небу и местом моления о богатом урожае, здесь же молились Грозе, Тучам и вспоминали предков. Общая площадь, занимаемая храмом Неба, составляет 266,7 га. Территория храма обнесена двумя стенами. Внешняя стена, которая охватывает всю территорию храма, составляет 6625 метров. Длина внутренней стены, окружающей здания храма, — 5287 метров. Южная часть храма Неба имеет форму квадрата, а его северная часть — округла.

Все это чаровало, пленяло глаз — и умиротворяющим целительным бальзамом лилась в душу блаженная тишина этого уединенного, замкнутого от людей святилища.

8 февраля. Китайский Новый год. Ярко освещенная улица, множество цветных фонарей, гром хлопушек, ракеты, фейерверки, крики, смех, шум бесчисленных уличных толп... Признаюсь, меня с силой охватило ощущение необыкновенной праздничности — гораздо больше, чем в наш собственный Новый год. Поздно вечером услышали мы мерные удары в большой колокол — гулко, грозно и торжественно пронеслись они и замолкли. Нам сказали, что это колокол ламайского храма. Я прислушивалась к нему с почти благоговейным чувством: соприкосновение с чужой религией, с чужим Божеством — странно сказать — как-то мистически волнует меня.

Мы приглашены на обед к о[тцу] Василию Дэ*, протодиакону миссийского Успенского собора. О[тец] Василий — китаец, албазинец. У него хороший голос, бас, и мы любим слушать его во время церковных служб. Он угостил нас отличным китайским обедом, блюд в двадцать, были вкусные пельмени. У о[тца] Василия большая семья, но женщины-китаянки не селились с нами за стол: толпились в дверях, приветливо нас рассматривали. Присутствовала за столом только жена о[тца] Василия, симпатичная и радушная. По-русски она не говорит.

Вчера мы и супруги Ивановы ответно угощали пельменями о[тца] Василия. Было очень хлопотно, я устала. Ужин кончился в 11 часов вечера, и я потом до двух часов мыла и убирала посуду. А в семь часов утра должна была встать и приняться за корректурную работу: празднование Нового года кончилось, и надо было подгонять накопившийся запас материала.

12 февраля. Страшный ветер. Желтая пыль с пустыни Гоби окутала воздух сплошной пеленой. Сквозь нее даже солнца не видно. Пыль и песок на окнах, на мебели, на полу. Песок хрустит у меня во рту, на языке. Эти пыльные бури, оказывается, неизменные спутники наступающей весны здесь. Это мне совсем не нравится. Я чувствую себя ужасно, голова тяжелая, настроение раздражительное, и не клеится работа.

13 февраля. Ездили в Храм Земледелия. Собственно, храмов никаких там нет, сохранился только старый заброшенный алтарь. Но летом там можно наслаждаться природой, так как вся территория этого Храма Земледелия (или Земли) представляет собой огромный парк.

Посетили Храм Конфуция, очень понравившийся нам¹. Он — строгого стиля, с массивными колоннами, весь темно-красный. В храме нет ни статуй, ни изображений богов; стоят только на подставках таблички с письменами. Большой двор выложен плитами, на которые падает тень от вековых туй: говорят, им не менее 700 лет.

Обратный путь был нам испорчен совершенно. Мы пошли домой пешком — было нас четверо, и по дороге непрерывно лезли к нам ки-

¹ Храм Конфуция построен в 1306 г. Несмотря на неоднократные реконструкции, храм сохранил свой первоначальный облик. Дважды в год, весной и осенью, императоры последних династий чествовали Конфуция в этом храме. После Китайской революции 1911 г. храм Конфуция закрыли. В настоящее время в нем находится музей.

тайские ребяташки, прося подачек. Одна девчонка, лет восьми, особенно назойливо и нахально приставала к нам: шла за нами по пятам, что-то канючила, чуть не теребила меня за платье. Мы сначала шли спокойно, не оглядываясь. Нас предупреждали раньше, чтобы мы не подавали на улице ни одному нищему, так как тогда сбежится целая толпа попрошайек. Но нахальное упорство этой девчонки начало меня раздражать. Я прикрикнула на нее, она остановилась, а когда я двинулась вперед, она опять пошла за нами. Чем больше мы на нее злились, тем нахальнее она становилась: злорадно хихикала и шла, не отставая от нас. Был момент, когда я почувствовала бешеное желание толкнуть, ударить ее... Она шла за нами через весь город, пока, наконец, мы не показали на нее постовому полицейскому. Тогда она нырнула в какой-то проулок и не явилась больше. Я до самого вечера, вспоминая о ней, ощущала приливы злобы и раздражения.

У нас в Миссии свадьба: венчались приехавшие недавно в Пекин баронесса Ирина Фитингоф* и М.С.Бутурлин*. Я пошла посмотреть. Свадьба была самая скромная. Невеста в своем темно-коричневом костюме выглядела так, как будто она только что сошла с поезда или парохода.

14 февраля. Мы сделали хорошую прогулку по берегу канала. Лед на нем уже растаял, но вода сохраняет тот же сине-серый стальной оттенок. Плещутся в воде белоснежные гуси. Рядом — серая древняя стена.

20 февраля. Я и Е.И.Иванова ходили гулять вчера поздно вечером за пределами Миссии. Мы не боимся таких одиноких прогулок, здесь кругом совершенно спокойно и безопасно. Полная луна сияла на небе, было тихо. Мы проходили узкими глухими переулками, с безмолвными стенами китайских жилищ. Изредка попадались нам навстречу китайцы, двигавшиеся бесшумно в своих мягких матерчатых туфлях и где-то также бесшумно исчезающие. И вдруг все это показалось мне сном, миражом: луна, стены, китайцы... Я даже остановилась на дороге и с недоумением огляделась кругом: где я? Куда занесло меня судьбой? Все было так нереально, странно и чуждо: я — в Китае, в Русской Духовной Миссии Пекина, города, который я всегда представляла себе где-то за тридевять земель и в который никогда не стремилась. Надо мной — чужое небо, и смотрит на меня чужая луна...

22 февраля. Вчера ночью был у меня сердечный припадок. Весь день чувствовала себя плохо. Погода стояла тяжелая: какое-то марево в воздухе, завеса, не дававшая свободно дышать. Пахло пылью и влагой. Я боялась, что налетит ураган.

В нашей типографии новые хозяева, Товарищество¹. Я остаюсь корректором по-прежнему. Приехало много новых людей, в нашем корпусе заняты все квартиры.

23 февраля. Вечер. Сажу за книгой, а рядом, за стеной, поют что-то печальное, и у меня невольно льются слезы. Тоска по родному Иркутску, по оставшимся там близким людям становится иногда

¹ Товарищество «Восточное просвещение».

невыносимой. Вернусь ли когда-нибудь? А если вернусь, застаю ли кого-нибудь в живых?

[За март записей нет].

13 апреля. В нашем корпусе водятся скорпионы. Двух—трех мы нашли в своей квартире. В первый раз в жизни пришлось увидеть эти отвратительные создания. У меня перед ними чувство ужаса: я не решилась даже наступить на них ногой.

14 апреля. Сегодня — страшный ураган, все заносащий пылью. Каждый раз перед этими пыльными бурями у меня болит голова, и сердце сжимается чувством тяжелой тоски. Очевидно, таково влияние здешнего климата на нервную систему.

22 апреля. Муж уехал в Харбин с поручением подыскать там заказы для миссийской типографии. Вернется недели через две. Теперь у меня много знакомых в Миссии, и я не буду чувствовать себя одинокой. Кроме того, есть работа и книги.

Весна — в полном разгаре: наш парк готовится к расцвету, трава уже давно зеленеет. Мягкий теплый воздух манит к прогулкам, и мы с Е.И.Ивановой и пани Юзефой Четвериковой, женой нового заведующего хозяйством Миссии [И.С.Четверикова*], бродим подолгу в миссийских парках, когда я свободна.

24 апреля. Вербное воскресенье — через неделю Пасха, которую мне придется встретить без мужа.

Еще два месяца тому назад мы купили маленький фотографический аппарат и очень увлекаемся сниманием: снимаем миссийские уголки, друг друга, живописные места Пекина и отдаем эти снимки для проявления в фотографические магазины, 5 центов за штуку¹. Снимки выходят у нас удачно: мы оба уже теперь очень хорошо напрактиковались.

29 апреля. Страстная пятница. Прошла первая гроза, отлично освежившая воздух. Деревья в парках источают аромат, пробуждаясь к новой жизни.

30 апреля. Страстная суббота. Сегодня мы, все дамы, заняты с утра украшением церкви к Светлой заутрене: венками и гирляндами из восток зеленой ивы обвешиваем стены, украшаем иконы. И.С.Четвериков протянул через всю веранду нашего корпуса шнур, на котором навешал цветные бумажные фонарики. Вся Миссия готовится к великому празднику, идет оживленная веселая суэта.

В 11 часов ночи я пошла в церковь. Скоро собралось туда и все русское население Бейгуани (так по-китайски зовется Миссия). Прибыл владыка Иннокентий, высокий, импозантный в фиолетовом одеянии. Он служит Светлую заутреню. И вот происходит встреча Христа: распаиваются двери храма, крестный ход во главе с Владыкой обхо-

¹ Позднее И.И.Серебренников писал: «К 1929 году у нас составила большая коллекция собственных фотографических снимков, сделанных в Пекине и его окрестностях, в Калгане, Тяньцзине, Дайрене, Танканцзы и Пейтайхо; мы имеем уже несколько альбомов с подобранными фотографиями... К настоящему времени, т.е. к декабрю 1946 года, когда пишутся эти строки, у нас, в нашем личном архиве, накопилось более 30-ти альбомов с фотографическими снимками и обширная коллекция открыток» (НИЛА. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Фотографии // Мои воспоминания (1925—31): Рукоп. Л. 207).

дит три раза вокруг церкви, радостно звонят колокола, дружно поет китайский хор «Христос Воскресе из мертвых». И одновременно взрываются с треском хлопушки около церкви, запах пороха смешивается с запахом горящих свечей, летят кверху ракеты, рассыпаются фейерверки... Оригинальная смесь христианского с языческим.

Служба в церкви длилась до 4 часов утра. Я выстояла ее всю и не устала. Потом все русские и китайцы пошли к резиденции владыки Иннокентия: он стоял на крыльце, а перед ним трещали хлопушки, вспыхивали бенгальские огни, летели и рассыпались в воздухе ракеты. Дождь золотых искр, золотая лава текла по земле, кругом — светлее, чем днем... Все это было необыкновенно красиво, почти сказочно.

1 мая. Пасха. Ясный жаркий день. Веселый радостный звон на нашей колокольне напоминает о Пасхе на родине. У меня побывало с визитами человек десять: нанесли куличей, крашеных яиц, фруктов. Я была глубоко растрогана. Получила несколько поздравительных писем из Харбина. Если бы не отсутствие мужа, была бы вполне счастлива.

Наша вторая комната, с выходом на веранду, теперь уже открыта и прибрана, и через распахнутые двери льется в нее мягкий весенний воздух. Я сняла своим фотогр[афическим] аппаратом обе наши комнаты и веранду с видом на деревья парка, сняла также своих гостей. Толпа китайчат собралась к нашей квартире, липли ко всем окнам и дверям. Я сфотографировала и их по пути.

Собрались поздно вечером на нашей веранде: Четвериковы, я, Ивановы, еще кое-кто. Цветут акации, наполняя воздух своим пряным, чудесным ароматом. Переливаются небесными огнями звезды, мягким теплом обвеваает нас налетающий изредка ветерок. Пани Юзефа поет и аккомпанирует себе на гитаре. У нее славный голосок и красивая манера пения. Я слушаю с удовольствием и тихой грустью. Думаю о далекой России, чувствую жалость ко всем нам, заброшенным сюда после всероссийского кораблекрушения. Вспоминаются строчки из чьего-то стихотворения:

Мы — пассажиры с разбитого брига,
Затертого льдом...